

Она остро сознается лучшими политическими мыслителями и деятелями. Но как беспомощны они в ее разрешении! Торжествующая демократия не поддается воспитанию, она остается на поверхности жизни и не хочет идти вглубь. Лишь ужас жизни, лишь гибель всех надежд может принудить самодовольную демократию, как и самодовольную монархию и аристократию, к углублению, к исканию выхода в духовной жизни. Так упираются все политические кризисы в кризис религиозный. Демократия слишком пленилась благами земной жизни. Она перестала верить в то, что человеческое общество имеет и сверхземную цель. Мировое демократическое движение, вызывающее в чутких и глубоких людях религиозную тревогу, приводит к горькому пессимизму. Но в пессимизме этом есть здоровое начало. Он обращает человека к сверхземной жизни. Опыт человека в демократии должен обратить его к Богу. В этом – значение демократии.

Письмо девятое О социализме

Социализм не есть выдумка наших дней. Социализм – одно из вековых начал, действовавших еще в мире античном. У Пельмана, в его замечательной книге «История античного коммунизма и социализма», вы можете прочесть много в этом отношении поучительного. Вы узнаете, что и тогда происходила уже свирепая борьба классов, бывали восстания масс, была алчность и корыстолюбие классов имущих, зависть и мстительность классов неимущих, что и тогда уже строились социальные утопии. Пельман, Э. Мейер и другие показали, что хозяйство в Греции было более развитым и сложным, чем это казалось прежде, что там был уже капитализм и нес с собой все противоречия. Во все времена существовала борьба классов, враждовали имущие и неимущие, была бедность и нищета и вопрос о хлебе насущном мучил

человека. Истоки социального вопроса лежат еще в древнем библейском проклятии: «В поте лица своего будете добывать хлеб свой». Библия знает этот экономический материализм. Но в XIX веке начинает выявляться социалистическое начало в крайней и предельной форме. Оно делается все более и более господствующим и определяющим стиль эпохи. Экономизм нашего века сделался всепроникающим и всеопределяющим. Нигде от него нет спасения. Экономический материализм Маркса не был теоретической выдумкой, он отражал какую-то действительность. В самой действительности произошло что-то, что вызвало учение Маркса как реакцию мысли. Современный социализм имеет рефлекторную природу. В нем нет творческого начала. Социализм – плоть от плоти и кровь от крови буржуазно-капиталистического общества, явление внутри этого общества. Он целиком определяется строем этого общества и его внутренним движением. Он духовно остается в той же плоскости. Социализм буржуазен до самой своей глубины и никогда не поднимается над уровнем буржуазного чувства жизни и буржуазных идеалов жизни. Он хочет лишь равной для всех, всеобщей буржуазности, буржуазности, закрепленной на веки веков, буржуазности окончательно рационализированной и упорядоченной, излеченной от внутренней, подтачивающей ее болезни, преодолевшей остатки иррационального в ней начала. Социализм связал судьбу свою с классом, порожденным «буржуазным» строем, с детищем капитализма – пролетариатом. Идеологи социализма – рабы необходимости, не знающие духовной свободы, – вообразили, что пролетариат, состоящий из пасынков капитализма, может быть классом-мессией. Вы наделили этот класс, подобно избранному народу Божьему, всеми добродетелями и доблестями и выдали его за высшую расу, за творца новой жизни. Положение рабочего класса в капиталистическом обществе бедственное и заслуживающее сочувствия и помощи. Но в душевном типе этого класса нет особенно высоких черт. Он принижен нуждой, он отравлен завистью, злобой и местью, он лишен творческой избыточ-

ности. Может ли из этих душевных стихий родиться высший человеческий тип и высший тип общественной жизни? Тип «пролетария» есть скорее низший человеческий тип, лишенный благородных черт, черт свободных духом. Эти благородные черты, эти черты свободных духом могут быть у самых простых рабочих и крестьян. Но для этого в нем не должно быть «пролетарского» сознания и «пролетарской» психологии. На неблагородстве, на рабстве духовном и на зле хотите вы создать свое новое царство. Образ вашего класса-мессии выдает вашу духовную природу.

И «буржуазия», и «пролетариат» той исторической эпохи, которая имеет стиль капиталистический и социалистический, являют собой измену и отпадение от духовных основ жизни. Первою совершила эту измену и отпала от святынь «буржуазия», и за нею пошел «пролетариат». От «буржуазии» научился «пролетариат» атеизму и материализму, от нее усвоил себе дух поверхностного просветительства, через нее пропитался духом экономизма, она толкнула его на путь борьбы классовых интересов. Я хорошо знаю, что «буржуазия» и «пролетариат» представляют абстракции, не соответствующие живой действительности и никогда ее не покрывающие. Вы выдумали «буржуазию» и «пролетариат», вы вызвали к жизни эти абстрактные духи и, дав имена им, наделили почти магической силой. В жизни человеческих обществ фикции имеют не меньше значения, чем реальности. И фикции «буржуазии» и «пролетариата» отравили нашу жизнь. Приходится считаться с этими фикциями, они обладают реальностью в психологии человека и общества. И вот, не придавая всеобъемлющего онтологического смысла абстракциям «буржуазности» и «пролетариата», приходится признать, что многие грехи и пороки «пролетариата» получены по наследству от «буржуазии». В вашем «пролетариате» нет ничего оригинального, все у него заимствованное. Имущие «буржуазные» классы представляют очень сложную действительность, в них есть хорошее и плохое, высокое и низкое, смесь света с тьмой, как и во всем человеческом. И безбожно и преступно

клеймить эти классы позором, отлучать их, ненавидеть, отвергать в них образ человеческий и образ Божий. Это ваше безбожное преступление, недопустимое для принявшего крещение и принявшего откровение о братстве всех людей во Христе. Но в царстве абстрактных категорий «буржуазии» и «пролетариата» «пролетариат» получил от «буржуазии» то, что мне представляется его пороками, вам же представляется его добродетелями. Маркс, в сущности, и учил тому, что «пролетариат» есть детище «буржуазии», что социализм есть отражение «буржуазной» экономической действительности, защитительная реакция на него. Природа социализма – реакционная и классовая, в нем нет творческого изобретения, нет полета. Самый революционный социализм рабски прикован к экономической действительности, пригнут к земной юдоли, уготовлен необходимостью. Из горькой необходимости, а не из свободы рожден социализм.

Но вот о чем всегда следует помнить вам, кичащимся новым духом пролетарского социализма. Социализм создан буржуазией, высшим культурным слоем. Он вошел в мир как идея, зародившаяся в буржуазных классах, мысль которых бескорыстно направилась на разрешение социальных противоречий и на преодоление социальных зол и неправд. Так возник социализм Сен-Симона, Фурье, Оуэна, так в древности возник социализм Платона. Да и ваши Маркс и Лассаль были «буржуа», а не пролетарии. Только в «буржуазных» классах социализм может быть благородным и бескорыстным движением человеческого духа, может быть идеей. В классах «пролетарских» социализм делается интересом, а не идеей; он роковым образом приобретает материалистический характер, в нем не может уже быть жертвенности. Облагородить социализм может только «буржуазия». И благородство есть лишь в социализме платоновского типа, в аристократическом социализме. Благородство есть в иерархическом социализме Рескина. Социализм пролетарский не благороден, низменен и корыстен по самым своим душевным первоосновам. Он понижает человеческую породу, человеческий тип. Пролетарским

социализмом движет злоба, зависть и месть, которые и управляют вашими массовыми социалистическими движениями с древних времен до наших дней. Во все времена психология восставших масс, поднявшихся низов была одинакова. Всегда эта психология была неприглядна и безобразна. Большая доля вины в этой уродливой и болезненной психологии лежала на высших классах, которые не исполняли своего назначения, первые изменяли общей святыне и высшей правде, но это не меняет оценки «пролетарской» психологии. В этой психологии христианское чувство вины каждого человека затемнено нехристианским сознанием пролетарской обиды. Чувствовать себя пролетарием есть великое несчастье человека, болезненное отщепенство, разрыв с отечеством и с отцами, а не высокое состояние, из которого может родиться высший тип жизни. Рабочий может и не чувствовать себя пролетарием, и велика вина тех, которые толкают его на путь пролетарского самочувствия и самосознания. Уродство пролетарской психологии и из нее рожденного пролетарского социализма громко свидетельствует о правде иерархизма, о благородстве и красоте душевного типа, живущего в органическом иерархизме. «Буржуазная» психология есть обратная сторона психологии пролетарской, она также не иерархична, также есть выпадение из органического строя и также неблагородна. «Буржуазное» самочувствие и самосознание имущего есть такое же недолжное дурное состояние, как «пролетарское» самочувствие и самосознание неимущего. «Буржуа» и «пролетарий» – близнецы. Эти два типа друг друга порождают и поддерживают. Оргия наживы капиталистического общества должна была породить социализм. И в социализме есть своя отрицательная правда, большая правда, чем в демократии.

Социальный вопрос порожден не внешними, а внутренними причинами. И он не может быть разрешен внешними материальными средствами. Социальный вопрос ставится и решается в психологической среде, и в основе его решения лежат те или иные душевные стихии. Лишь сотрудничество классов создаст здоровую душевную атмосферу в решении

социального вопроса. Когда он решается исключительно движениями снизу, в этом решении действуют нездоровые и злобные душевные стихии. Социальное движение построено исключительно на принципе классовой борьбы, культивирует не высшие, а низшие инстинкты человеческой природы. Оно является не школой самоотвержения, а школой корыстолюбия, не школой любви, а школой ненависти. Снизу идущие, исключительно классовые разрешения социального вопроса разрывают единство человеческого рода и разделяют его на две враждебные расы. Это движение понижает психический тип человека. Оно отрицает космический, т. е. иерархический строй общества. Это революционное разрешение социального вопроса предполагает отрыв от духовных основ жизни, отрицание их и презрение к ним. Революционный, классовый социализм мыслит и действует так, как будто бы не существует человеческого духа и духовной жизни, как будто нет ничего внутреннего, а одно лишь внешнее. Он есть страшная абстракция от духовной жизни, от истинного содержания жизни.

В нем человек перестает существовать и действуют лишь экономические категории. Движение же сверху вниз в решении социального вопроса, иерархическое по своему принципу, признает существование человека и его духовной жизни, обращено к бескорыстным и благородным инстинктам человеческой природы. Такое движение признает, что необходимо духовное перерождение человека и человеческого общества, что одними материальными средствами социальный вопрос неразрешим, что человеческий род есть единый род Божий и имеет органическое иерархическое строение. Так, английское социалистическое движение представляет более высокий тип, чем социалистическое движение немецкое или французское. В нем смягчена классовая борьба, в нем осуществляется сотрудничество классов, в нем практический реализм соединяется с идеалистическими импульсами. Карлейль, Рескин, христианские социалисты были вдохновителями этого движения. После оргий капиталистической наживы, после манчестерства, господствующие, имущие классы начали сознавать свое

призвание и в лучшей своей части приняли участие в социальном реформировании общества. И жало революционного социализма было вынато. Частичный социализм может быть соединен и с консерватизмом.

Сопоставление и сближение христианства и социализма мне всегда представлялось кощунственным. Сходство христианства и социализма утверждают лишь те, которые остаются на поверхности и не проникают в глубину. В глубине же раскрывается полная противоположность и несовместимость христианства и социализма, религии хлеба небесного и религии хлеба земного. Существует «христианский социализм», и он представляет очень невинное явление, во многом даже заслуживающее сочувствия. Я сам готов признать себя «христианским социалистом». Но «христианский социализм» по существу имеет слишком мало общего с социализмом, почти ничего. Он именуется так лишь по тактическим соображениям, он возник для борьбы против социализма, был реакцией католичества на социализм и проповедовал социальные реформы на христианской основе. В прошлом, в истории христианства много было «социалистических» движений на религиозной почве, но движения эти обыкновенно бывали антицерковными, еретическими и сектантскими. Все эти религиозно-социальные течения были проникнуты идеями апокалиптическими и хилиастическими, они ждали немедленного осуществления чувственного тысячелетнего Царства Христова на земле и пытались насильственно его осуществить. Все эти христианско-социалистические течения забывали, что Царство Божие приходит неприметно и что Царство Христово не от мира сего. Эпоха реформации особо была богата такими движениями, смешивавшими христианство с социализмом. Но горьки плоды этого смешения. Пример хилиазма, основанного на смешении христианства с социализмом, мог бы быть грозным предостережением. Религиозная ложь такого рода хилиазма давно уже избличена. Иоанн Лейденский когда-то основал Небесный Иерусалим на земле, осуществил чувственное тысячелетнее Царство Христово. И тот ад, который явил этот

Небесный Иерусалим, те насилия, кровь и злобу, которыми он сопровождался, должны были бы заставить призадуматься всех религиозно чутких людей. Попыты создания Царства Христова на земле, в ветхой природе, без преобразования человека и преобразования мира, всегда были и всегда будут созданием земного ада, а не земного рая, страшной тиранией, истребляющей человеческую природу без остатка. Нельзя взять насилием Царства Христова и нельзя вместить его в ветхую природу, в то время как пришествие этого царства означает преобразование ветхой природы и благодатный переход из царства насилия в царство свободы. Смешение и отождествление христианства с социализмом, с земным царством и земным благополучием, есть переживание еврейской апокалиптики, явление юдаизма на христианской почве. И не случайно Маркс был евреем. Это есть явление еврейской апокалиптики, еврейского хилиазма в поздний час истории, в атмосфере атеистического и материалистического века. Это есть изобличение антихристианской природы еврейской апокалиптики, еврейских апокалиптических ожиданий. Старая еврейская апокалиптика была революционной и антиисторической. На ее почве произошло восстание зилотов. Дух апокалиптики отличался от духа пророческого, который не был революционным и был проникнут историзмом. И новая, социалистическая еврейская апокалиптика также революционна и антиисторична. Нужно проникнуть глубже в антихристианскую природу социализма. Социализм как мировое явление имеет религиозно-юдаистический исток. В нем действуют те же начала, во имя которых был отвергнут Христос евреями. Еврейский хилиазм, исполненный надежд на чувственное Царство Божие на земле и ожидания Мессии, который осуществит земное царство и земное блаженство еврейского народа, не принимает тайны Голгофы, несовместим с явлением Мессии-Распятого. Еврейский народ в разгоряченной апокалиптической атмосфере ждал не христианского Мессию, а социалистического мессию, не христианского тысячелетнего царства, а социалистического тысячелетнего царства. Соблазн социализма, соблазн земного царства и блаженства

без жертвы Христа и Распятия, без прохождения через Голгофу и привел к отвержению Христа и к крестной Его муке. Тут завязался узел всемирной истории. Тут определилась трагическая судьба еврейского народа как оси всемирной истории. Вопрос о социализме более интимно и более глубоко связан с еврейским религиозным вопросом, чем это представляется всем вам, общественникам-рационалистам. Если демократическое движение в мире вызывает религиозную тревогу, то еще большую религиозную тревогу вызывает движение социалистическое. В проблеме социализма есть религиозная глубина, это одна из конечных проблем человеческой истории, подводящих нас к апокалипсису. Социализм имеет очень старые, древние корни, не только социальные, но и религиозные. Но лишь на вершинах истории, когда обнажаются все противоречия человеческого бытия, обнажается и природа социализма, открывается, какого он духа. Социализм претендует быть не только социальной реформой, не только организацией хозяйственной жизни, но и новой религией, идущей на смену религии Христа. Ныне социализм вступает в мир с религиозным притязанием, он хотел бы быть всем во всем, он требует к себе отношения религиозного порядка. Религия революционного социализма принимает все три искушения, отвергнутые Христом в пустыне, и на них хочет создать царство свое. Он хочет превратить камни в хлеба, хочет спасения через социальные чудеса, хочет царства мира сего. Социализм есть устройство человечества на земле без Бога и против Бога. Это пророчески понимал Достоевский. Социализм есть построение Вавилонской башни. Социализм заканчивает дело, начатое демократией, дело окончательной рационализации человеческой жизни, вытеснения из нее всех таинственных, сверхчеловеческих, божественных сил. Социализм хочет еще шире и глубже захватить человеческую жизнь, чем демократия. Он претендует создать новую жизнь в полноте и целостности. Христос принес в мир не мир, но меч. Он разделил людей по духу. Социализм также несет в мир не мир, а меч. Он разделяет людей по экономическому положению. Он не признает существования духа.

Он не признает существования человека. Он подменяет человека экономической категорией. Религия социализма есть человекоубийство. Она начинается с отрицания богосыновства человека. В основе ее лежит опыт восставшего раба, а не сына, чувство подпольной обиды. Восставший из праха хочет быть богом. Социализм есть царство людей праха, возомнивших себя богами. Христианское сознание человеком своего богосыновства не может вести к социализму. Это благородное сознание несовместимо с классовой ненавистью. Социализм посягает на свободу человеческого духа, на его первородство. Он сулит человеку блаженства за отречение от первородства. Он обещает совершенную рационализацию общественности за отречение от мистических основ общественности. И прав был джентльмен с ретроградной и насмешливой физиономией у Достоевского, который хотел послать к черту все социальное благоустройство и пожить по вольной воле. Царство Божие на земле, в физической нашей природе, при рабстве нашем, грехах и пороках, – невозможно, и само желание утверждать его в этих условиях – безбожное желание. Вам трудно понять, что само желание вынудить Царство Божие на земле может быть безбожным желанием. Но это необходимо понять. В этом принудительном Царстве Божьем на земле будет действовать не дух Христов, а дух антихристов. Революционный социализм есть один из антихристовых соблазнов.

Ваш социализм есть принудительная добродетель и принудительное братство. Вот чем противен ваш социализм, вот почему он эстетически и нравственно отталкивает. Ваш революционный социализм не признает той основной христианской истины, что братство между людьми может быть лишь плодом свободной любви, лишь высшим духовным цветением человеческого общения. Вы же хотели бы насильственно принудить людей к братству. Идею братства вы взяли из христианства, вы выкрали ее и бессовестно пользуетесь ею, не имея на то никакого права. Братство людей возможно лишь во Христе и через Христа. Братство людей не может быть естественным,

природным состоянием людей и людских обществ. В природном порядке человек человеку не брат, а волк и люди ведут ожесточенную борьбу друг против друга. В порядке природном торжествует дарвинизм. Ваш социализм и исходит из этой природной борьбы и через самую разъяренную борьбу хочет утвердить братство на земле. И весь ваш социализм изъеден внутренним пороком и болезнью. На зло и через зло хочет он утвердить добро свое. Не через Христа, не через благодатную любовь хотите вы утвердить братство людей, а через ненависть и восстание класса на класс. Вы безнадежно смешиваете братство с группировкой и объединением экономических интересов. Никогда, никогда в вашем царстве человек человеку не станет братом, он может стать лишь «товарищем». Но что общего имеет «товарищ» (эстетически низкое слово) с братом? Все различие между социализмом и христианством – в этом различии между «товарищем» и братом. Брат почитает в брате человека, образ и подобие Божие, брат соединяется с братом, как дети единого отца. Братство предполагает общее отчество. И те, которые не знают отца и отказываются от отца, не могут быть братьями. Товарищ почитает в товарище не человека, а класс, экономическую категорию, товарищ соединяется с товарищем по общности материальных интересов. Товарищи не помнят своего отчества, не хотят знать единого отца, они – блудные сыны. Ваша социалистическая категория «товарища» означает величайшее презрение к человеку. Ваше «товарищество» окончательно разделяет человеческий род на два враждебных стана и все признает дозволенным по отношению к стану враждебному. Ваша религия соединяет и разъединяет по материальным интересам. Может ли быть что-либо более враждебное духу христианства? Поистине, чудовищно всякое сближение социалистического товарищества и христианского братства. Социалистическое «товарищество» хотело бы превратить мир в торгово-промышленное предприятие, в котором все объединены одними материальными интересами и не имеют причин вести между собой материальную борьбу. Христианское братство ставит себе иные цели, не имеющие

ничего общего с коммерцией и с объединением материальных интересов. Социализм ваш с его низким, духовно плебейским «товарищеским» идеалом еще раз показывает, что братство невозможно в порядке натуральном, что оно возможно лишь в порядке благодатном. Братство невозможно вне Христа, вне Христовой благодатной любви. Безобразны и преступны все ваши выкрадывания у Христа принадлежащих Ему сокровищ без принятия самого Христа, с отвержением самого Христа. Братство без Христа есть рабство, насилие, тирания. Лишь с Христом братство есть царство свободы. Братство без Христа, без Божественной Любви и есть принудительное товарищество, вызванное к жизни материальным насилием. Безблагодатное братство – страшно, оно есть смерть человека, смерть личности человеческой. Через любовь Христову утверждается каждый лик человеческий в его единственности. Братство во Христе есть соединение личностей. Братство без Христа, товарищество, есть соединение безличное, в нем нельзя различить ликов. Предельный и окончательный социализм и есть предельное и окончательное отрицание свободы человека. Меня можно принудить с уважением относиться к достоинству и правам всякого человека, от меня можно требовать признания в каждом человеке гражданина. Но никто и ничто на свете, даже сам Бог, не может принудить меня к братству, требовать от меня братского отношения к тем, кого я не избрал и не полюбил. Это – дело моей свободы, которой я не уступлю вам ни за какие блага мира. Я сохраняю за собой право на пеон дистанции, и я признаю дистанцию необходимой в порядке природном. Меня нельзя принудить к большей близости, большей любви в отношении другого человека, чем я сам свободно захочу и изберу. Ваш социализм хочет меня принудить к этому, и я презираю его насильнические посягательства. В порядке политическом я признаю гражданство, в порядке религиозном я признаю братство. Но в корне отрицаю товарищество как уродливое смешение разных планов, как уродливое притязание категории социальной играть роль религиозную и подменить религиозную категорию.

Много есть переходных форм социализма. Некоторые из них могут представиться религиозно невинными. Но для того, чтобы вскрыть истинную природу социализма и увидеть ложь и зло, которые он несет в мир, необходимо брать предельный социализм, предельный коллективизм. И ваш предел коллективизма есть самое страшное, что может ждать человека и человечество. Этот предел коллективизма никто никогда не представлял себе достаточно конкретно. Хотя следовало бы помнить, что в утопии Т. Мора людям передвигаться так же трудно, как в советской республике, и в учении Кабе допускается лишь одна правительственная газета. Лишь русская революция намекает на то, что представит из себя рай коллективизма. Но большинство из вас, социалистов, не способно сознать пределы своих стремлений и мечтаний. Большинство из вас, социалистов, настроено эклектически и смешивает разные начала. Вы сами не знаете, какого вы духа. Вы – орудие нечеловеческих, человекоистребляющих сил. Предел коллективизма есть обобществление всего человека без остатка, всего его тела и всей его души. Ничего коллективизм не хочет оставить в индивидуальную собственность самого человека. Все в человеке хочет он подчинить своей всепожирающей власти. Коллективизм в своей предельной, лжерелигиозной форме претендует на всего человека. Никакое государство, самое тираническое и деспотическое, не имело этого притязания. Много в человеке оставалось свободным и индивидуальным, не регулируемым и не рационализированным и при самой страшной из тираний. Всякое государство, как бы ни была деспотична его форма, все же признавало человека индивидуальным существом, оно сознавало свои границы. Государство могло притеснять человека и даже истязать его, но оно не имело претензий принудительно организовать совершенного человека и совершенное человечество, насаждать насильственную добродетель. И потому оно давало свободно дышать. Ничего страшнее насильственной добродетели не может быть на свете. Во имя достоинства человека и свободы человека, во имя высшей его природы, необходимо предоста-

вить человеку некоторую свободу греха, свободу выбора добра и зла. Если бы суждено было когда-либо осуществиться коллективизму в окончательной форме, то свобода человека была бы истреблена окончательно. Обобществлен и социализирован был бы и дух человека, и тело человека, а не только материальные орудия производства. Обобществление и социализация должны были бы идти все дальше и дальше вглубь. От этого рокового процесса никуда нельзя уйти, от него нет спасения. Этот процесс не может ограничиться материальной стороной жизни. Напрасно хотите вы успокоить тем соображением, что принудительно обобществлена будет материальная сторона жизни, дух же станет еще более свободен. Это и есть самая коренная ложь, величайший из самообманов и обманов. Вы начинаете с того, что обобществляете дух человеческий, что убиваете личность. Этим обобществлением духа вы хотите создать духовную лжесоборность. Ложна ваша соборность, ибо истинная соборность дана Церкви Христовой, она давно уже открыта для человеческой души. Истинная духовная соборность вмещает в себя личность человека и свободу человека. Ваша же соборность не терпит личности человеческой и свободы человеческой. Ваш принудительный коллективизм уничтожает всякий материальный базис свободной духовной культуры. Все материальные средства, без которых невозможно никакое выявление и воплощение духовной культуры в нашем грешном мире, вы хотите изъять из индивидуального пользования и свободного обращения, вы хотите передать их вашему Левиафану. Свободный индивидуальный почин ни в чем уже не будет возможен. Средства и орудия выражения и воплощения духовной жизни будут иметь лишь государство, централизованная коммуна, коллектив. Их не будет иметь личность и свободное соединение личностей, ставящее себе цели, неугодные центральному и правящему коллективу. Сделается невозможным даже свободное печатание книг, журналов и газет, ибо все печатное дело будет в руках центрального коллектива и будет обслуживать его интересы и цели. Возможен лишь будет «пролеткульт», а не свободная культура.

Сохранится лишь свобода невоплощенного духа, и дух человеческий должен будет развоплотиться.

Вы смешали сферу права и сферу морали и на отождествлении этих двух сфер хотите воздвигнуть ваш принудительный коллектив. И это соблазнительное смешение несет с собой величайшую опасность для человеческой свободы. Право есть принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу. Оно делает возможным сожительство и общение людей и в том случае, когда люди грешны и злы, когда они насильники и корыстолюбцы. Общество человеческое не может быть построено на любви как начале общеобязательном и принудительном. Любовь между людьми может быть лишь свободным цветом человеческого общения, лишь благодатным в нем порядком. Обязательная и принудительная любовь есть чудовищное противоречие и поругание самой природы любви. В природном порядке человеческое общество должно иметь обязательные и принудительные основы, не допускающие хаотического распада. Человеческое общество в этом грешном мире, в этой ветхой природе должно управляться не только любовью, но и законом. И в законе, в праве действует божественная энергия. Те, которые допускают для человеческого общества лишь начало любви и отвергают всякое другое начало, отрицают христианскую любовь и подменяют ее какой-то иной, принудительной, не христианской любовью, любовью, страшной по своей безблагодатности. На такой безблагодатной любви хотел основать человеческое общение Л. Толстой. Все вы, коллективисты, хотите приковать людей друг к другу, хотя бы внутренне они ничего общего между собой не имели и даже ненавидели друг друга. Вы хотите приковать людей друг к другу необходимостью и общими интересами. Ваша социалистическая любовь есть железная необходимость, злое принуждение. А ненавистное вам право есть защита человеческой природы, ее свободного избрания. Вы ничего не хотите оставить для свободы человека и свободной любви человека. Вы не только смешали право с моралью, вы также смешали область частного права с

областью права публичного. Вы отрицаете совершенно частное право и заменяете его публичным. И это значит, что вы смешиваете свободу и необходимость и подменяете свободу необходимостью. Вы хотите принудительной, необходимой свободы. Вы не допускаете свободы выбора и отпадения не потому, что человек у вас делается совершенным и что вы хотите совершенствовать человека, а потому, что человек во внутренней его природе для вас не существует, он есть лишь рефлекс экономической необходимости.

Ложь лежит в самой основе нравственного пафоса социализма. Ложь эта соблазняет сентиментальных людей. Социалистические декламации о богатых и бедных в большинстве случаев лживы до самых своих основ. Нравственный пафос социализма есть смесь ложной чувствительности и аффектированной сострадательности с жестокостью и злобной мстительностью. Сентиментальность часто ведет к жестокости. Это – закон душевной жизни. Социализм, по нравственному своему складу, есть сентиментальная жестокость и жестокая сентиментальность. Субъективно-нравственная, эмоционально-страстная сторона социализма наиболее безобразна и лжива, она-то и грозит превратить жизнь человеческую в ад. Объективная, научная, интеллектуальная сторона социализма более нейтральна и невинна. Мораль социализма, доведенная до фанатизма, столь многим импонирующая, и есть самая безбожная и страшная его сторона. Спасение от этой безобразной, человекоубийственной морали следует искать в пафосе объективности, в познавательном смирении перед необходимостью и закономерностью социального процесса. Пафос объективности смягчил бы ваши разъяренные души, ослабил бы злобные чувства. Вы живете в нездоровой и взвинченной душевной атмосфере, в которой ненависть классов доходит до красного каления. Целые классы представляются вам злодейскими и вызывают к себе злобные чувства. Это злодейство целых классов общества утверждает и так называемый «научный социализм», и, вопреки объектив-

ной стороне своего учения, он возлагает большие надежды на подогревание злобных чувств других классов. Ложь лежит в первооснове вашего понимания происхождения социального зла и неравенства. Нравственный пафос социализма родился у вас из того ложного сознания, что социальная неправда, бедность, страдания происходят, главным образом, от злой воли господствующих, имущих классов. Об этом любите вы декламировать и тогда, когда вы сторонники «объективного», «научного» социализма. Но такое злоупотребление нравственными категориями в понимании социальной действительности ведет к нравственному извращению и безнравственности. Нехорошо, дурно видеть злую волю людей и целых классов и там, где действуют причины объективного характера, где природная необходимость налагает свою железную руку. Вы разом и злоупотребляете нравственными категориями в социальной жизни, и совершенно отрицаете нравственную ответственность и вменяемость человеческой личности. Это сочетание крайнего морализма с совершенным аморализмом создает нездоровую духовную атмосферу.

Существуют объективные основы общественности, глубоко заложенные в природе, в строе космической жизни. Строй общества не зависит от злого произвола тех или иных классов общества. Общество есть явление природы, и закономерность его связана с закономерностью природы. Общество благодатное, побеждающее природную закономерность, принадлежит уже иному плану, иному измерению; оно есть четвертое измерение общества по сравнению с теми тремя его измерениями, в которых протекает закономерная социальная жизнь. Но общество трех измерений имеет объективные, природные основы, и в них нужно искать объяснения страданий и несчастий в нашей социальной жизни. С более глубокой точки зрения, сама объективная необходимость в общественной жизни имеет духовный и моральный смысл. В ней действует божественная правда, преломленная в темной и греховной природе. Корни человеческих бедствий и человеческой нужды заложены в греховной природе человека и

мира. Греховная природа подвластна суровой закономерности. В царство свободы может войти лишь преображенная и возрожденная природа, не только природа одного человека и человечества, но и всего мира и целого космоса. Перед человеком поставлена трудная задача победы над природой и овладения ее стихийными силами, регулирования их для высших космических целей. Бедность и нужда человеческих обществ связана прежде всего с низкой степенью победы и овладения стихийными природными силами, с зависимостью от этих природных стихийных сил. Марксизм с объективно-научной своей стороны понимал, что вся социальная структура общества, с классовыми различиями и неравенствами, определяется состоянием производительных сил, степенью победы над природой, добытыми уже материальными ценностями и богатствами. Но марксизм есть внутренне противоречивое учение; объективно-научная сторона в нем сталкивается со стороной субъективно-классовой, с которой связан революционный и моральный пафос социализма.

В философии социализма есть две стихии: в одной из них классовый момент побеждает момент объективный и на протяжении всей истории одинаково видится правда в восстании неимущих и зло в самом существовании имущих; в другой – объективный момент сильнее классового и в разные исторические эпохи признаются прогрессивными разные классы и разные ставятся перед ними задачи. Фактически революционный социализм всегда движется и вдохновляется первой стихией, он сочувствует всем восстаниям масс, всем бунтам черни в истории и во все времена одинаково осуждает и проклинает все верхние классы, все имущие и культурные слои. Через всю историю проводит он линию, разделяющую человеческий род на две расы, на два царства – «буржуазию» и «пролетариат». В марксизме смешаны обе стихии социализма. Но у революционных социал-демократов преобладает это предстательство за «пролетариат» на протяжении всей истории, признание его классом революционно-прогрессивным и ненависть к «буржуазии» как классу угнетателей и виновнику

социальных зол. История социализма Каутского написана в этом духе. Прогрессивная и революционная роль «буржуазии», о которой учил Маркс, не вызывает к себе никакого положительного морального отношения. Решительно на другой точке зрения стоял Лассаль, который многими головами возвышался над социалистической умственной средой и которого нужно признать лучшим из социалистов. Лассаль признавал, что в разные исторические эпохи разные классы являются носителями мировой прогрессивной «идеи», что носителем такой «идеи» было третье сословие, а теперь четвертое сословие является ее носителем. Поэтому Лассаль очень высоко оценивает историческую роль буржуазных классов и осуждает восстания трудящихся классов, не соответствующие «идее» исторической эпохи, например, крестьянские войны эпохи реформации. Русские социалисты окончательно не способны стать на историческую точку зрения, и им чужд дух Лассаля. Они – испуганные моралисты, и морализм их слишком часто переходит в моральный идиотизм.

Вот проблема, над которой вы слишком мало задумывались и которую вы отталкиваете от себя своим извращенным морализмом. Но является ли социальное неравенство не только необходимостью и закономерностью, но и благом, добром и правдой? Почему признали вы за нравственную аксиому, что социальное неравенство есть зло? На известной ступени развития материальных производительных сил неравенство дает максимум благ, максимум удовлетворения потребностей народа. Уравнение же вело бы к обеднению, к ослаблению производительности труда, к истреблению источников народного богатства и народного питания. При невысоком уровне материального развития, когда человек недостаточно еще овладел стихийными силами природы, социальное неравенство, выделение класса привилегированного и имущего есть единственное спасение, есть благо и для неимущих, для народных масс. Факт существования немногочисленного слоя имущих и богатых сам по себе не может быть источником социальных зол и бедствий. Утверждать это – значит ложно оперировать

с категорией количества. Отнятие материальных средств у этого немногочисленного слоя не может сколько-нибудь существенно изменить положение народных масс, огромных количеств. Для обогащения и подъема материального благосостояния масс, больших количеств, необходимо не обеднение малого количества, а рост производительности, развитие материальных производительных сил. Социальный вопрос реально разрешим прежде всего на путях производства, а не распределения. Равнение по низшим, которого требуют многие из вас, есть разгром человеческой культуры, понижение уровня жизни. Социализм бедности – самый страшный социализм. События после мировой войны доказали, что социализм есть порождение бедности, а не богатства. Выносимое еще был бы социализм богатства, социализм избытка. Когда фанатики революционного социализма требуют, чтобы лучше все были нищие, чем чтобы существовала привилегированная кучка имущих, имеющих возможность поддерживать более высокий уровень культуры, их морализмом движет обоготворенная зависть и месть. Ибо здоровое моральное суждение должно признать, что пусть лучше немногие будут на более высоком уровне культуры, чем все на низшем уровне. *Неравенство есть условие развития культуры.* Это – аксиома. И остается недоказанным, почему равенство морально выше неравенства? А может быть неравенство само по себе есть правда и благо и к нему следует стремиться? *И в Царстве Божием будет неравенство. С неравенством связано всякое бытие.* Не должно быть в мире нищих и голодных, всем должно быть обеспечено человечески достойное существование. Но это не требует равенства. В самом восстании против основ социального строя во имя справедливости есть религиозная ложь, порождающая злые чувства. Нам не дано знать, почему один богат, а другой беден, почему каждому выпадают на долю те или иные испытания. Люди не должны думать, что они справедливее Бога и могут исправить несправедливость Промысла. Революционная борьба за справедливость рождает ненависть. Не борьба за справедливость, а любовь должна

руководить нами в помощи бедным и страдающим. И избыточной любви не поставлено никаких границ. Не борьба за отвлеченную справедливость, а творческий инстинкт должен руководить нами в социальном строительстве.

Христос учил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное. Вот что для многих, внешне относящихся к христианству и не приобщенных к тайнам христианской религии, звучит почти социалистически. Вы, социалисты, любите злоупотреблять Евангелием и вспоминаете его, когда это нужно для ваших нерелигиозных и антирелигиозных целей. В этих ссылках на евангельские тексты, в этих нерелигиозных толкованиях текстов есть что-то безобразное и кощунственное. Слова Христа о богатых имеют смысл, прямо противоположный тому, который вы хотели бы вложить в них. Для всякого, кто внутренне, а не внешне подходит к тайне жизни, должно быть ясно, что Христос заботился о судьбе богатых, о душе их, когда говорил, что трудно, очень трудно им войти в Царство Небесное. Он хотел сказать, что богатые легко делаются рабами материального мира, материальных вещей, что они лишены свободы духа и потому затруднено для них вхождение в Царство Небесное, в царство свободных душ, полюбивших Бога превыше всего мира и всего, что от мира. Христос хотел духовно освободить богатых, Он так же был заинтересован в спасении их для вечности, как и в спасении всех душ человеческих. Он пришел в мир для всех, одинаково для бедных и для богатых. И когда он говорил слова о трудности богатым войти в Царство Небесное, Он думал не о материальных интересах бедных, а о духовных интересах богатых. Ибо раскрыл Он абсолютное значение всякой души человеческой, независимо от ее социального положения. Для Него не могло быть избранных и отверженных по социальному положению. Социалистическая же декламация о богатых занимает полюс, прямо противоположный христианству, она проникнута ненавистью к богатым и завистью к ним. Социалисты хотят и бедным затруднить вхождение в Царство Небес-

ное. Слова Христа обращены к внутреннему человеку, к душе человеческой. Слова социалистические обращены к внешнему человеку, к материальной оболочке человека, в них всегда чувствуется неведение внутреннего человека. Христос учил о благодатной, блаженной, божественной бедности как высшей свободе и красоте духа. Она доступна лишь немногим. Бедняжка Божий, св. Франциск Ассизский, в совершенстве осуществил этот образ красоты бедности. Но что общего это имеет с социализмом? Христос учил, что бедные имеют духовные преимущества перед богатыми, что им облегчено вхождение в Царство Божие. Социалисты же вечно говорят о великих преимуществах богатых, завидуют этим преимуществам и хотят отнять у них эти преимущества и передать бедным. Христос учил отдавать свои богатства. Социалисты учат отнимать чужие богатства. Христос призывал накормить голодного и отдать последнюю рубашку. Это должно быть актом избыточной любви. С этим обращался Христос к внутреннему человеку, к глубине человеческой души. Это не был рецепт внешнего социального устройства, о котором в Евангелии ничего не сказано. Социалисты не призывают накормить голодного и отдать последнюю рубашку ближнему. Они обращаются к внешнему человеку. Они призывают голодного насильственно отнимать. Они внушают бедному мысль, что богатство прекрасно, что доля богатого – завидная доля, и этим отравляют его бедное сердце. Христос хотел, чтобы не было голодных, чтобы все были накормлены, чтобы у всех была рубашка. И христианское отношение к жизни требует заботы о голодных, о несчастных, об обездоленных. На Страшном Суде Христос спросит у каждого из нас ответа за судьбу голодных, несчастных и обездоленных. И трудно будет богатым держать этот ответ. Но как противоположен этот дух Христов духу социалистическому! Христос открыл вечную правду о духовном устройении человека, а не временную правду о социальном устройении общества. Вся евангельская проповедь Христа даже предполагает существование собственности и социального неравенства, и, оставляя нетронутым социальный строй, всегда определяемый сложны-

ми природными и историческими условиями, учит вечной истине любви и самопожертвования. Социалисты хотят сделать невозможными и ненужными христианские добродетели любви, жертвы и милостыни. Велика мудрость христианства, для которого абсолютная ценность человеческой души не зависит от социального положения и утверждается во всякой исторической обстановке. Господин и раб могут быть братьями во Христе, оставаясь в своем социальном положении. Христианство требует, чтобы душа господина и душа раба были признаны абсолютно ценными и равноценными перед Господом, чтобы господин почитал в рабе образ и подобие Божие. Но оно не призывает к социальной революции, не учит, что какой-либо строй общества во все времена одинаково обязателен. Апостол Павел учил, что раб, оставаясь в выпавшем на его долю социальном положении, может быть совершенен и может идти по пути Христову. Христианству церковному совершенно чужды элементы социально-революционные, эти элементы были лишь в движениях еретических и сектантских. Христианство имело огромное значение для уничтожения рабства в мире, но действие христианства в этом отношении было духовным, а не социальным, внутренним, а не внешним. Христианство признает, что все социальные изменения определяются особой закономерностью, что историческая преемственность не может быть во внешнем плане жизни отменена и разрушена. Социальный вопрос имеет свою техническую сторону, свои научные методы, свою материальную обусловленность. Мудрость вселенского христианства все это признает, в отличие от сектантства. Окончательное излечение от социальных зол и страданий возможно лишь в космической гармонии, лишь в Царстве Божием. До этого же возможны лишь относительные ступени. Социальный вопрос неразрешим, разрешимы лишь социальные вопросы. Христианское добро свободно и потому предполагает некоторую свободу зла.

Идеология социализма есть идеология материального, бескачественного труда. Она враждебна труду духовному и

качественному. И ошибочно было бы утверждать, что социализм берет под свою защиту труд в его целостности, труд, как начало мировое, и представляет идею труда. Социализм представляет механический, бескачественный материальный труд и отрицает творческую природу труда. Проблема труда как творчества совершенно не интересует социалистическое сознание, она находится вне его кругозора. В этом отношении социализм находится в рабском подчинении у ненавистного ему буржуазного, капиталистического общества и бессилён над ним подняться. Социализм обоготворяет пролетариат, но уважения к труду не имеет. Материалистическая природа социализма мешает ему понять религиозную природу труда. Освобождение труда в пределе своем для социалистического сознания есть освобождение от труда. Идеология труда переходит в идеологию вражды к труду, основанную на зависти к тем, которые свободны от труда. В пафосе социализма нет обязанности труда. И социалисты хотели бы призвать к труду буржуазные классы лишь из чувства злобы и возмездия. Отношение социализма к труду изобличает его отрицательную, рефлекторную природу, его зависимость от того, против чего он является реакцией. Социализм не внес в мир идеи облагораживания труда и повышения его творческого, качественного характера. Он обосновывается на абстракции количества труда. Качество труда социализм не хочет знать, он его презирает. Но труд имеет свои священные права, неотделимые от его священных обязанностей. Когда капитал отрицает священные права труда и давит их, он является злым началом и против него необходимо бороться. Капитал есть необходимое начало в хозяйственной жизни, без которого не может развернуться труд, но он может превратиться в самодовлеющее отвлеченное начало, и тогда он выпадает из органической иерархии. Социализм же хочет представлять труд, выпавший из органической иерархии и превратившийся в отвлеченное начало. Существует качественная иерархия труда. И священен лишь тот труд, который пребывает в этой качественной иерархии. Это хорошо знал Платон. Это знал Рескин в новое время. Но этого не знают

социалисты. Материального труда как абстрактного, количественного начала не существует. Это – фикция, на которой так много построил Маркс. Труд имеет духовную основу. И производительность так называемого материального труда зависит от духовного состояния человека. Дисциплина труда есть духовная дисциплина. В конце концов, она имеет религиозные основы. Без религиозных основ, без духовной дисциплины труд разлагается, распыляется и хозяйственная жизнь превращается в кучу мусора. Ваш материалистический социализм бессилён справиться с проблемой дисциплины и организацией труда. Дисциплина и организация труда может быть лишь иерархической. И тут вы сталкиваетесь с истребляющим вас противоречием. Социалистическое общество мыслится как общество трудовое. Но материалистический социализм не в силах организовать труд, он его дезорганизует, так как отрицает иерархический строй труда. Он разрушает духовные основы труда. При самом своем зарождении социализм восстал против разделения труда. Но разделение труда есть основа человеческого общества и человеческой культуры, основа дисциплины труда и его качественной иерархичности. Низвержение разделения труда есть низвержение общественного космоса, конец качественной культуры. Количественное уравнивание труда есть обида лучшим и подбор негодных, отрицание и истребление способностей и дарований, опыта и образования, призвания и гениальности. Напрасно некоторые из вас, более свободлюбивые, думают, что полное однообразие материальное, сведение всякого качества на количество может освободить место для разнообразия духовного, для качественных различий в духовной жизни. Не существует абстракции материальной жизни и абстракции жизни духовной. Все связано и сплетено в общественном космосе. Как бы вы ни отговаривались, но вы принуждены признать верховенство материального труда и отрицать всякую самостоятельность за трудом духовным. Вы презираете духовный труд и его представителей. Вы хотите поработить его труду материальному. Для вас это – две абстракции, и вы хотели бы одну из них окончательно подчинить

другой. И потому страшен социализм не только для капитала, он еще более страшен для духовного труда, для творчества, т. е. в конце концов для духа человеческого. *Vain социализм есть восстание материи против духа, распря материи с духом.* «Буржуазное» царство капитализма тоже было царством материи, истреблявшим дух, и вы – продолжатели его, наследники этого царства, гасители духа.

Ваша идея всемирной социальной революции, *Zusammenbruch*⁴ капиталистического общества, представляет чудовищное смещение идей научного и социально-политического порядка с идеями порядка религиозного. Прыжок из царства необходимости в царство свободы, о котором учили Маркс и Энгельс, есть уже переход от процесса исторического к процессу сверхисторическому, апокалипсис всемирной истории. Социальных революций в смысле мировой катастрофы, начинающей новую историческую эру, никогда не было и быть не может. Социальный процесс по природе своей есть процесс молекулярный. В порядке природном он может быть лишь эволюцией, а не революцией. Социальные процессы ничего общего не имеют с политическими *coup d'état*, со свержениями власти, происходящими в течение одного дня, с заговорами, восстаниями и вооруженными столкновениями. Штыками и пушками нельзя изменить экономические отношения, создать новый строй общества. Это верно и в отношении социальных контрреволюций, а не только революций. Социальное развитие предполагает возрастающую власть человека над природой, рост экономической производительности и нравственное изменение отношения человека к человеку. Эти экономические и нравственные процессы не напоминают революций и катаклизмов. Объективно-научная сторона марксизма ведет к отрицанию идей мировой социальной революции. И если марксизм все-таки призывал к социальной революции и верил в нее, то потому, что он был не только наукой, но и верой, имел не только социальное, но и религиозное, лжерелигиозное притязание. Ожидание социальной революции и есть ложное религиозное

ожидание, подмена и самообман. Революционный социальный максимализм всегда основан на смешении относительного и абсолютного, социального и религиозного, средств и цели. В природном порядке, в исторической действительности должно утверждать плюральность средств. Решение социального вопроса в пределах трех измерений этого мира может быть лишь сложным и относительным. «Социальная революция» возможна лишь как процесс разложения. Социальный реформизм, направленный на защиту интересов труда и трудящихся, должен быть согласован и с исторической преемственностью и традициями, и с неотъемлемыми правами и свободами человека. Необходимо сочетание свободной индивидуальной инициативы, свободного общественного кооперирования и государственного регулирования. Это значит, что начало социалистическое, взятое в своей относительной и частичной правде, должно быть согласовано с другими началами, началами консервативными и либеральными. Социальное реформирование общества, регулирование производства, организация труда должны быть согласованы с началами частной собственности. Ибо начало собственности имеет неразрывную связь с началом личности. Начало собственности имеет глубокие религиозные и духовные основы, оно коренится в духовной свободе человека, в его органической, духовной связи с предками и потомками. Но с началом собственности могут быть связаны самые безобразные злоупотребления, оно легко делается орудием корысти и жадности, оно может превратиться в орудие угнетения. Начало собственности не есть высшее и абсолютное начало, оно должно быть подчинено высшим началам, оно должно быть ограничено. Самодержавная, отвлеченно самодовлеющая собственность производит страшное опустошение в человеческой жизни, она делается началом вампирическим. И тогда в социальном восстании есть доля правды. Собственность должна быть внутренне одухотворена, и тогда она оправдана, она имеет свою миссию. И она представляет одно из вечных начал человеческой жизни. Духу корыстолюбия, жадности, эгоизма, духу, одержимому жаждой наслаждений и соблаз-

ненному безвкусной и безобразной роскошью, необходимо противопоставить иной дух. Необходима духовная борьба с «буржуазным» духом. Социализм не в силах победить этого «буржуазного» духа, ибо сам он пропитан этим «буржуазным» духом, он – его порождение. И никогда, никогда вам, социалистам, детям «буржуазного» века сего, не вырваться из трех измерений «буржуазного» мира. Переход в четвертое измерение человеческого бытия есть внутренний духовный переворот, религиозная революция. Победа над нищетой и голодом, гарантия для каждого члена общества необходимого минимума человеческого существования есть задача более скромная и элементарная, ее разрешение не означает перехода в иное измерение, в сверхисторическое существование. Полный и окончательный социализм невозможен и пагубен для человека, для его духовной природы, для его высшего достоинства. Торжество религии социализма остановило бы рост производительности и парализовало бы творчество. Оно уничтожает мотивизацию труда. Торжество это сделало бы невозможной творческую избыточность, *ибо избыточность предполагает неравенство, соревнование и подбор*. Для огромного большинства пролетариата, с которым должно будет отождествиться человечество, не понадобится высшая качественная культура, не нужны будут высшие творческие подъемы духовной жизни. А пролетариату этому будет принадлежать верховная власть, ничем не ограниченная. *И во имя свободы творчества, во имя цвета жизни, во имя высших качеств должно быть оправдано неравенство*. Не случайно против неравенства восстают больше всех позитивисты и материалисты. Они не могут понять его смысла. Ибо лишь для религиозного взгляда на жизнь человеческая судьба осмысливается в таинственном миропорядке и всякий человек имеет свой удел за пределами земной жизни. Чудовищно несправедливо и жестоко требовать для всех людей равных условий. Условия жизни, для одного человека привычные и сравнительно легкие, для другого были бы невыносимо мучительны и тягостны. Принудительного уравнения человека некультурного и грубого и человека утончен-

ной и высокой культуры может требовать лишь мстительная злоба и ненависть. Восприимчивость к страданию зависит от организации человека, от бурлящей в нем крови предков, от воспитания, от уровня культуры, от призвания. Буржуазно-капиталистический век безобразен тем, что он все нивелирует и уравнивает, убивает все индивидуальное.

В основе социалистической религии лежит отрицание бессмертия и бунт против божественного миропорядка. Достоевский глубоко понимал, что социализм есть следствие отрицания бессмертия. И потому в социализме есть жадность смертных, жадность к земной жизни. Как пошлы и уродливы все ваши утопии, все они – предел мещанства! Духовная ложь лежит в основе вашей социальной мечтательности. Этой нездоровой социальной мечтательностью хотите вы заглушить в себе ужас смерти, вы добываете себе суррогат бессмертия. Социальная мечтательность, социальный утопизм заглушили в вас религиозное чувство, ослабили сознание смысла жизни и закрыли для вас вечность. Здоровый социальный пессимизм был бы для вас спасителем, от него пошло бы духовное оздоровление. Социализм ваш претендует быть новой религией, новым духом, а не только социальным устройством, не только добыванием хлеба насущного для голодных. И в этой претензии погибает и небольшая доля правды социализма. Вы не столько добываете хлеб земной для голодных (слишком часто вы лишаете и того хлеба, который был раньше), сколько провозглашаете религию хлеба земного против религии хлеба небесного. Ваш притязательный социализм глубоко антиисторичен, не понимает тайны истории, и потому он в сущности реакционен. Он добывается антихристового конца истории. И лишь вселенское христианское братство, обращенное к Христову концу истории, может победить соблазн социализма.

Идея демократии и идея социализма – противоположные идеи. Демократический социализм типа Жореса не есть настоящий социализм. Все вы, социалисты-революционеры,

меньшевики, правые социалисты всех толков, – не настоящие социалисты, все вы больше демократы, чем социалисты. Настоящие социалисты – коммунисты. И коммунисты правы, противопоставляя свой социализм демократии. Демократия – формально бессодержательна, она безразлична к направлению народной воли. В формальном народовластии народная воля не имеет никакого предмета. Демократия скептически и вместе с тем крайне оптимистична. Социализм пессимистичен в отношении к формальной воле народа, он заинтересован в том, чтобы воля народа имела определенное направление и определенный предмет. Социализм утверждает не суверенную волю народа, а суверенную волю класса, волю класса-мессии, пролетариата. Только пролетариат свободен от первородного греха эксплуатации. И последовательный социализм допускает только волеизъявление пролетариата, и притом не всякого пролетариата, а лишь социалистического пролетариата, пролетариата, верного «идее» пролетариата. Не фактический, эмпирический пролетариат должен господствовать, а лишь «идея» пролетариата. Во имя «идеи» пролетариата можно совершить какое угодно насилие над фактическим пролетариатом. Верховенство принадлежит тому меньшинству, которое является истинным носителем «идеи» пролетариата, которое хранит правую веру. Социалистическое государство не есть секулярное государство, как государство демократическое, это – сакральное государство. Оно в принципе не может быть веротерпимо и не может признавать никаких свобод. Оно признает лишь права за теми, которые исповедуют правую веру, веру социалистическую. Оно походит на авторитарное теократическое государство. Социалистическое государство есть сатанократия. Социализм исповедует мессианскую веру. Пролетариат есть класс-мессия. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особая иерархия – коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью. Никакое волеизъявление народа не допускается. Необходимо насильственно подчинить народ «священной» воле пролетариата, а самый пролетариат подчи-

нить «идее» пролетариата. Истину знают и истине подчиняют немногие – какой-нибудь центральный комитет коммунистической партии. Как не походит это на демократию! Истинные социалисты должны презирать скептическую демократию, бессодержательную и пустую. Социализм хочет перейти к содержанию жизни, открыть истинную и праведную волю. В этом социализм прав более, чем демократия. Но тут он и приближается к последним пределам небытия. «Идея» пролетариата – совершенно пустая, небытийственная идея. Содержание и цели жизни не могут быть социальными и определяться по внешним материальным признакам. Содержание и цели жизни могут быть лишь духовными. Нельзя искать праведной воли вне самой реальной праведности и святости воли. Все социальные и политические формы всегда окажутся формальными. Обе должны быть подчинены духовным целям жизни. И теократия лишь символизировала Царство Божие, но не достигла его реально. В этом была причина ее исторического краха. Социализм окончательно обнаруживает пустоту всех внешних стремлений к совершенному обществу и совершенной жизни. Только реальное осуществление совершенной духовной жизни есть разрешение проблемы совершенного общества.

Письмо десятое Об анархизме

Анархизм, как и социализм, есть одно из вековечных устремлений, с давних времен проявлявшееся в человеческом обществе, и один из пределов общественной мысли человека. Революционный пафос анархизма иной, чем революционный пафос социализма. Существует внутреннее противоборство этих двух революционных стихий, но и неуловимый переход одной из этих стихий в другую. Если социализм доходит до небытия в своей жажде равенства, то анархизм доходит до